

— Бао-саньгэ, Фэн-сыгэ, оставляю завершение дел на вас.

Мужун Фу развязал пленников и произнес это будничным тоном. Бао Бутун, глядя на господина с нескрываемым обожанием, ударил себя в грудь:

— Не беспокойтесь, молодой господин, на меня можете положиться!

Фэн Боэ тут же подал голос:

— Молодой господин, вы прорвались на уровень мастера?

Мужун Фу кивнул:

— Верно, только сегодня.

Услышав это, Бао Бутун и Фэн Боэ переглянулись, охваченные крайним волнением. Мастер в двадцать лет — таких во всем мире Цзючжоу можно было пересчитать по пальцам.

— Поздравляем молодого господина с достижением великого мастерства! — они оба опустили на одно колено, выражая глубочайшее почтение.

— Не нужно этого, впредь обойдемся без лишних славословий, — Мужун Фу махнул рукой и, применив невероятное мастерство легкой поступи, словно ступая по воздуху, стремительно удалился.

— Надо же, только став мастером, он уже обладает такой мощью! Среди мастеров он теперь — первый из первых!

— Истинная правда!

Они еще долго, с горящими глазами, обсуждали это событие, прежде чем принялись за уборку двора.

Усадьба Манто.

— Молодой господин, вы вернулись! — радостно воскликнула А-Чжу.

— Да, пустяковое дело, разобрался на ходу. Пойду проведаю Юйянь.

Мужун Фу слегка улыбнулся и вошел в комнату. Ли Цинло принимала роды лично, рядом сустились няньки, присматривая за младенцами. Одна из них доложила:

— Зять, у госпожи родились три маленькие дочки.

Ван Юйянь, бледная и изнуренная, прошептала:

— Брат... прости меня, я...

Мужун Фу сел на край кровати, взял ее за нежную руку и нежно поцеловал в лоб:

— Не думай об этом, кузина. Я как раз очень хотел дочерей. Спасибо, что подарила мне трех маленьких принцесс.

Несмотря на бледность, на лице Ван Юйянь заиграла счастливая улыбка. Ли Цинло, наблюдая за ними со стороны, невольно вспомнила своего Дуань-лана. Если бы в свое время Дуань-лан обладал хотя бы половиной такой нежности, как Мужун Фу...

Месяц спустя Мужун Фу получил голубиную почту. Его лицо переменилось.

— Брат, что случилось? — обеспокоенно спросила Ван Юйянь.

Мужун Фу сделал вид, что колеблется:

— Ничего серьезного, просто мне придется отлучиться на некоторое время.

Ван Юйянь, проявив понимание, улыбнулась:

— Не волнуйся обо мне, если есть важное дело, иди и занимайся им.

— Кузина...

— Брат...

Сутки спустя. У подножия горы Чжуннань. Постоялый двор «У цзянь».

— В этот раз Цюаньчжэнь открывает врата и принимает учеников, это наш шанс!

— Чжан Мацзы, ну куда тебе? Цюаньчжэнь смотрит не на кости, а на добродетель. Ты, олух, не знающий ни иероглифа, мечтаешь попасть туда — это же бред собачий!

— Ха-ха-ха...

На постоялом дворе царило оживление. Когда вошел Мужун Фу, смех мгновенно стих, и все взгляды устремились на него.

— Не подскажите, как вас величать? — вежливо сложив руки, спросил мужчина с саблей.

— Ли Фэйюй, — холодно ответил Мужун Фу.

— Ли Фэйюй, что сеет смерть и пожары?!

— Тот самый бродячий мастер с заморских островов!

— Ого! Говорят, многие школы были стерты с лица земли его рукой!

Взгляды окружающих изменились. Мужчина с саблей побледнел, но быстро взял себя в руки и продолжил:

— Оказывается, это брат Ли. Неужели и вы прибыли, чтобы вступить в секту Цюаньчжэнь?

Мужун Фу обвел всех насмешливым взглядом, не удостоив их ответом, и обратился к хозяину заведения, бросив на стойку серебряный слиток:

— Хозяин, заверни десять цзиней маринованной говядины, еще сухой паек и фруктов.

— Будет сделано, господин, сию минуту!

Хозяин, приняв серебро, расплылся в довольной улыбке. Вскоре Мужун Фу направился к горе. Когда он скрылся из виду, постояльцы вновь начали шушукаться:

— Раз уж такие безжалостные люди, как Ли Фэйюй, пожаловали, значит, Цюаньчжэнь действительно притягивает.

— Хм! Цюаньчжэнь — секта праведников, боюсь, такие убийцы, как он, сами идут в ловушку.

— Чушь! Хоть Ли-дася и убил немало людей, но все они были негодьями и подонками, так что он вполне заслуживает звания героя!

Мужун Фу был удивлен, что так удачно попал на открытие врат Цюаньчжэнь. Впрочем, его это мало касалось. Позади горы Чжуннань находилась Древняя гробница.

— Бабушка Сунь, я пришел.

Мужун Фу привычным путем пробрался внутрь.

— Хм! Исчез на несколько месяцев, и у тебя еще хватает наглости возвращаться? — бабушка Сунь встретила его холодным взглядом.

Мужун Фу смущенно потер нос и спросил:

— Как Мочоу и Лун-эр?

Лицо старухи немного смягчилось:

— Роды со дня на день.

— Хорошо, значит, успел, — Мужун Фу выдохнул с облегчением.

Когда он странствовал под именем Ли Фэйюя, он познакомился с Ли Мочоу, и между ними вспыхнули чувства. Позже через нее он узнал Сяо Лун-юй и сумел завоевать ее сердце. А затем сделал так, что они обе забеременели почти одновременно, и сроки родов совпали. Голубиная почта от бабушки Сунь пришла как раз вовремя. Мужун Фу мчался к горе Чжуннань, не зная сна и отдыха.

— Хм! — снова фыркнула старуха. Она не могла понять, что в этом мужчине такого, что Ли Мочоу и Сяо Лун-юй так привязались к нему.

Мужун Фу вошел в погребальную камеру. Ли Мочоу и Сяо Лун-юй, обе с большими животами, выглядели не менее прекрасными, чем прежде, — в их положении появилась особая, чарующая красота.

— Супруг!

Девушки с сияющими глазами бросились в его объятия. Мужун Фу обнял их, наслаждаясь моментом.

Три дня спустя Ли Мочоу и Сяо Лун-юй родили двух дочерей. Мужун Фу, держа на руках

младенцев, задумался о жизни: неужели ему суждено рожать только дочерей? Он невольно вспомнил своего жизненного наставника, князя Дуаня...

[Динь!]

[Поздравляю хозяина с продолжением рода.]

[Обнаружено два потомка, награда удвоена.]

[Награда: Сианьтянь-гун.]

[Навык Сианьтянь-гун автоматически доведен до совершенства.]

Мужун Фу размышлял: Сианьтянь-гун? Разве это не техника Ван Чунъяна? Интересно, жив ли еще Ван Чунъян в этом мире боевых искусств?

Вместе с потоком энергии Сианьтянь-гун его внутренняя сила стала настолько чистой, что, казалось, вот-вот обретет плоть. До уровня Великого мастера оставался лишь один шаг — тонкая бумажная перегородка, которую можно пробить в любой момент, нужен был лишь повод!

Вдруг снаружи послышались звуки битвы. Мужун Фу передал дочерей бабушке Сунь и быстро вышел из гробницы.

— Ходу, гора Чжуннань — не место для ваших выходов, монголы! Убирайтесь, иначе Го не даст вам уйти живыми!

Го Цзин, широкоплечий, с густыми бровями и решительным взглядом, излучал мощь мастера поздней стадии, отчего монгольские воины невольно отступили. Ходу, не выказывая страха, взмахнул веером и с деланной вежливостью сложил руки:

— Дядюшка Го, вы ведь монгольский герой, стреляющий в орлов, зачем же вы свернули с верного пути на кривую дорожку? К тому же, великий хан желает сделать Цюаньчжэнь государственной религией, у нас нет злых намерений, к чему такая враждебность?

Настоятель Ма Юй покачал головой:

— Цюаньчжэнь не желает вмешиваться в политические распри, прошу вас удалиться.

— Что ж, раз так, тогда мы отступим.

Поняв, что из-за вмешательства Го Цзина захватить Цюаньчжэнь с ходу не удастся, Ходу решил временно отступить. Но стоявший рядом Даэрба засуетился:

— Младший брат, хан же приказал, что без контроля над Цюаньчжэнь нам нельзя возвращаться!

— Заткнись! — Ходу бросил гневный взгляд на простоватого Даэрбу.

Тот лишь почесал затылок, так и не поняв, что сказал не так.

<http://bllate.org/book/21265/2154432>